

ДИНАСТИЯ ПРОФЕССОРОВ ПЕРВУШИНЫХ

ЧАСТЬ III
ВСЕВОЛОД ПРОКОПЬЕВИЧ ПЕРВУШИН.
УДИВИТЕЛЬНАЯ СУДЬБА СЫНОВЕЙ*Лидия Мишланова*

Однако я всё время помню обещание вернуться к судьбе старшего сына Всеволода Прокопьевича — Николая Всеволодовича Первущина. Попытки что-либо разузнать о нём долго ни к чему не приводили, пока один мой товарищ, отличающийся поразительной памятью, не сказал: «Знаешь, о каком-то Первущине писал Василий Аксёнов», и принёс книгу об Америке «В поисках грустного бэби» (М., 1991). Открываю 251-ю страницу, и вот оно: «Через неделю после приезда (в Вермонт — Л. М.) мы получили приглашение на фестиваль русского искусства в Норвич. Почётный директор русской школы в Норвиче — один из её основателей, профессор Монреальского университета Николай Всеволодович Первущин. Ему восемьдесят четыре года, он бодр, доброжелателен и любознателен. Если бы мне предложили угадать происхождение этого человека по внешности, я, наверное, не долго бы думал, прежде чем сказать: Казанский университет. Гадать не приходится, он оттуда и

происходит, то есть мы с ним оказались двойными, если не тройными земляками. Самое замечательное, однако, заключалось в том, что Николай Всеволодович был преподавателем моей покойной матери в Казанском университете, он и называет её до сих пор Женей Гинзбург».

Описываемые события относились к середине 1980-х годов. Но это всё! Кроме одного абзаца о Николае Первущине в книге ничего нет.

Да ведь недаром говорят: лиха беда начало. И вот моя дочь находит в Интернете сайт Монреальского университета и сообщает новые для меня сведения: Николай Всеволодович Первущин (годы жизни: 1899—1993) значится там как русский эмигрант, журналист, переводчик, интерпретатор русской литературы, профессор, автор исследовательских работ, в частности о творчестве Тургенева, Достоевского. В год его смерти департамент (кафедра) славянских языков и литературы Монреальского университета выпустил несколько брошюр, статьи в которых посвящены уже ему самому — Н. В. Первущину. И пишет о нём тот же самый автор (коллега? ученик?), Глеб Зекулин, который в других своих работах рассматривает жизнь и творчество А. И. Солженицына. Ну да, там всё близко, по соседству, хотя и в разных странах: штат Вермонт, где жил Александр Исаевич и где в Норвиче была (к сожалению, её уже нет) русская школа, — в США, а Монреаль — в Канаде. Но, если один и тот же человек знал обоих, может быть, и они — А.И. Солженицын и Н.В. Первущин — тоже были знакомы? Интересно бы, конечно, разведать, но это уже другая тема.

Продолжаю поиски. Нахожу старые книги о родственниках В.И. Ленина в Прикамье, Поволжье, обнаруживаю новую книгу 2005 г. издания о его родословной и потомках. А среди потомков — ура! — тот самый человек, загадку жизни которого я пытаюсь разгадать, — Николай Всеволодович Первущин. Да, он, действительно, давал интервью корреспонденту «Комсомолки» П. Веденяпину, рассказав о себе в 1991 г., незадол-

го до смерти. Автор книги «Ульяновы и Ленины. Семейные тайны» М.Г. Штейн опирается на эту публикацию, но кое-что уточняет по биографической хронике В.И. Ленина и другим источникам. В результате выясняется вот что.

В Казани Николай Первушин окончил вначале коммерческое училище, а затем юридический факультет и, кроме того, изучал экономику, литературу, историю. Октябрьскую революцию он не принял, но антисоветской деятельностью не занимался. Однако студенты физико-математического факультета брата Распоповы сочли его своим единомышленником и включили в список группы лиц, готовых бороться с властью большевиков, хотя Николай от их предложения вступить в группу отказался. На основании этого списка, попавшего в Казанскую губчека, 26 февраля 1920 г. Николая и его младшего брата Юрия арестовали. Время было суровое, нависла угроза смертного приговора.

Юрию «повезло»: он заболел сыпным тифом, его отправили в больницу и больше к вопросу об его аресте не возвращались. А Николая надо было срочно спасать. Мать Александра Андреевна Первушина на третий день после ареста даёт телеграмму Анне Ильиничне Елизаровой-Ульяновой и Марии Ильиничне Ульяновой, своим двоюродным сёстрам. Утром 6 марта 1920 г. с телеграммой А.А. Первушиной знакомится Владимир Ильич. «И немедленно (до 12 час. 30 мин.) даёт телеграмму в Казанскую губчека с копией в губкомпарт РКП и А. А. Первушиной, в которой просит телеграфно сообщить причины ареста преподавателя факультета общественных наук Н. В. Первушина и заключение губчека. Одновременно спрашивает, нельзя ли освободить Н. В. Первушина «под поручительство нескольких коммунистов, коих укажет его мать Залезская-Первушина», — пишет М. Г. Штейн. 11 марта председатель Казанской губчека Г. М. Иванов сообщает, что задержанный по подозрению в участии в белогвардейской организации Н.В. Первушин «после установления его в непричастности к этой организации 3 марта освобождён из-под стражи». Как вспоминал сам Николай Всеволодович, на самом деле он просидел в Казанской губчека два месяца. В конце жизни Н.В. Первушин скажет, что родство с Лениным спасло его от ранней смерти, однако это не примирило его с убеждениями двоюродного дяди. После возвращения из тюрьмы он принимает решение уехать за границу. Весьма кстати он получает приглашение прочитать трёхмесячный курс лекций в Берлинском университете. Но начальник Казанской губчека Г. М. Иванов ставит условие: заграничный паспорт выдадут, если будет

поручительство Ульянова. Анна Ильинична, к которой обратился Николай, просит помощи Дмитрия Ильича (В. И. Ленин в то время был болен). И тот посылает в Казань телеграмму с поручительством, подписавшись «Ульянов», без инициалов. Так Николай Первушин в 1923 г. получает возможность выехать в Берлин, где не только читает лекции, но работает также в советском торгпредстве и одновременно собирает материалы для книги «Германские концерны и организация промышленного производства» (издана в Москве в 1927 г.). Его беременная жена из Казани приезжает к нему по официальному вызову.

В 1926 г., читаем дальше, Советское правительство направляет Н. В. Первушина на работу в Париж, в аппарат главного уполномоченного Нефлесиндиката, а в начале 1930 г. ему предписано вернуться в Москву.

— Были уже сталинские времена, и я понял, что подобный вызов — не более чем уловка, — сказал Николай Всеволодович в 1991 г. корреспонденту «Комсомолки». — Человека, прожившего столько лет за границей, в покое не оставят. И я стал невозвращенцем. Это было трудное решение — в России оставались отец, брат. К счастью, они не пострадали.

Не эмигрантом, а невозвращенцем называет его и автор книги М. Г. Штейн.

В США Н. В. Первушин переехал после Второй мировой войны, выдержав экзамен на переводчика ООН. «Многие дипломаты и сотрудники ООН обязаны Первушину знанием русского языка», который он им преподавал. В тот день, когда во время выступления в ООН министра иностранных дел франкистской Испании Н.С. Хрущёв в знак протеста стучал ботинком по столу, а было это 11 октября 1960 г., Н.В. Первушин вёл синхронный перевод на русский язык. Никита Сергеевич остался переводом очень доволен, пригласил переводчика к себе и даже обнял на прощанье, так и не узнав при этом, что обнимает заграничного родственника Ленина.

С середины 1960-х годов Н.В. Первушин вновь занялся научной и педагогической работой. В 1975 г. ему была присвоена степень доктора гуманитарных наук Норвичского университета. В университетах Оттавы и Монреаля он был удостоен звания профессора. Н.В. Первушин — один из организаторов Международного общества по изучению жизни и творчества Ф. М. Достоевского, автор книг по русской литературе и истории. Его последняя книга, вышедшая в 1989 г., называется «Между Лениным и Горбачёвым. Мемуары родственника и критика Ленина».

